

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2019–2020 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

1. [40 баллов] ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

Прочитайте отрывки из книги К.И. Чуковского, повести Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат» и стихотворные переводы чеченской песни А.А. Фета и Н.И. Гребнева. Выполните задания.

1. [2 балла] Прочитайте фрагмент из книги К.И. Чуковского о высоком искусстве перевода и на основе анализа фрагмента запишите то самое важное слово, меняющее, по словам Чуковского, всё содержание песни.
2. [10 баллов] Проанализируйте разницу переводов Фета и Гребнева, сравните эти переводы с оригиналом (его подстрочным переводом), на основе определённого вами слова сделайте вывод: имел ли право переводчик так обойтись с оригинальным текстом? Обоснуйте ваше мнение. Предложите вашу гипотезу: почему переводчик так поступил?
3. [3 балла] В каком известном стихотворении времён Великой Отечественной войны вновь появляется как актуальный этот стихотворный мотив?
4. [25 баллов] Ниже даны подстрочный перевод полного текста этой чечено-ингушской песни из XX главы повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» и полные переводы этой той же песни А.А. Фета и Н. Гребнева. Сравните эти переводы и оцените их художественные достоинства. Обоснуйте своё мнение, подтверждая ваши тезисы цитатами из переводов.

В рассуждении о художественном переводе и вольности переводчика Вам могут помочь высказывания двух знаменитых переводчиков иноязычных поэтов.

«Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник»
(В.А. Жуковский). «Из этого надо сделать русские стихи, как я делал из Шекспира, Шевченки, Верлена и других, так я понимаю свою задачу»
(Б.Л. Пастернак).

«<...> Песни – чечено-ингушские. Толстой нашёл их в одном русском этнографическом сборнике, изданном в Грузии в 1868 году. «Сокровища поэтические необычайные», – отозвался он об этих песнях в письме к Фету¹.

Они были напечатаны прозой. В сущности, то был не перевод, а подстрочник. Фет попробовал перевести их стихами, но искусство перевода никогда не давалось ему. Перевёл он их довольно неумело, и они остались в литературе без отклика. Один из его переводов читается так:

¹ Письмо от 26 октября 1875 года // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.62. М., 1953. С. 209.

*Станет насыпь могилы моей просыхать, –
И забудешь меня ты, родимая мать.
Как заглушит трава всё кладбище вконец,
То заглушит и скорбь твою, старый отец*¹.

Много лет спустя Лев Толстой вспомнил эту чечено-ингушскую песню о могиле джигита и воспроизвёл её в двадцатой главе своей повести «Хаджи Мурат». Воспроизвёл не в фетовском переводе, а в прозе:

“Высохнет земля на могиле моей, и забудешь ты меня, моя родная мать. Порастёт кладбище могильной травой, заглушит трава твоё горе, мой старый отец”².

Эти строки почти целиком совпадают с опубликованными в “Сборнике сведений о кавказских горцах”.

Через девяносто пять лет после того, как появился в печати первый перевод этой песни, её перевел Н. Гребнев. В его переводе она читается так:

*Под горою укроет могила меня,
И забудет жена, что любила меня.
Насыпь чёрную травы покроют весной,
И меня позабудет отец мой родной*³.

По смыслу она почти полностью совпадает и с переводом “Сборника сведений” и с переводом Фета. Впрочем, есть в ней одно слово, единственное, но очень важное слово, которое меняет всё содержание песни». (К. Чуковский, *Высокое искусство*. Спб.: Азбука, 2015. С. 272–274)

«Песня относилась к кровомщению – тому самому, что было между Ханефи и Хаджи-Муратом.

Песня была такая:

“Высохнет земля на могиле моей – и забудешь ты меня, моя родная мать! Порастёт кладбище могильной травой – заглушит трава твоё горе, мой старый отец. Слезы высохнут на глазах сестры моей, улетит и горе из сердца её.

Но не забудешь меня ты, мой старший брат, пока не отомстишь моей смерти. Не забудешь ты меня, и второй мой брат, пока не ляжешь рядом со мной.

Горяча ты, пуля, и несёшь ты смерть, но не ты ли была моей верной рабой? Земля чёрная, ты покроешь меня, но не я ли тебя конём топтал? Холодна ты, смерть, но я был твоим господином. Моё тело возьмёт земля, мою душу примет небо”». (Л.Н. Толстой «Хаджи-Мурат», гл. XX)

² Фет А. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1937. С. 624.

³ Песни безымянных певцов. Махачкала, 1960. С. 388.

Чечено-ингушская песня

А) Перевод Афанасия Фета:

* * *

Станет насыпь могилы моей просыхать, —
И забудешь меня ты, родимая мать;
Как заглушит трава всё кладбище вконец,
То заглушит и скорбь твою, старый отец;
А обсохнут глаза у сестры у моей,
Так и вылетит горе из сердца у ней.

Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля чёрная, ты ли покроешь меня?
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты, о, смерть, даже смерть храбреца;
Но я был властелином твоим до конца:
Своё тело в добычу земле отдаю,
Но зато небеса примут душу мою.

Б) Перевод Наума Гребнева:

* * *

Под горою укроет могила меня,
И забудет жена, что любила меня.
Насыпь чёрную травы покроют весной,
И меня позабудет отец мой родной.
И сестра моя станет, наплакавшись всласть,
Жить, как будто без брата на свет родилась.
Только старший мой брат – настоящий джигит
Будет помнить о брате, пока не отмстит.
И покуда не ляжет со мной под горой,
Обо мне не забудет и брат мой второй.

Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля чёрная, ты ли покроешь меня,
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты смерть, о смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца.

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно.
Рекомендуемый объём – 400–500 слов.

Вариант 1

Пантелеймон Сергеевич Романов (1884–1938)

БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА

Художник в парусиновой блузе, испачканной красками, наскоро приводил в порядок свою мастерскую.

Он ждал посетителей из высоких партийных кругов, свидание с которыми ему устроили друзья. Эти друзья страдали за него, так как большой талант художника-пейзажиста, не могущего перестроиться в плане требований современной критики, гас от потери веры в себя и от наседающей на него нужды.

Он не мог написать ни одной картины, которая отвечала бы современным требованиям. В то время, как его товарищи, менее известные, менее талантливые, безболезненно вышли на дорогу нового искусства и писали картины десятками, получая большие деньги.

В углу мастерской, заставленная другими картинами и мольбертами, стояла брошенная на половине, очевидно, одна из его прежних работ: угол балкона в деревенском доме, рама открытого в цветник окна и вдали над спелым полем ржи серо-лиловая грозная туча, идущая с юга.

Это было так живо изображено, что, казалось, чувствовался сумрак от тучи и свежий запах приближающегося летнего дождя.

А в центре мастерской на мольберте стояло полотно новой, только что оконченной картины. Художник, наконец пересилив себя, написал большое полотно, на котором был изображён чугунолитейный завод.

Гигантская красная кирпичная труба, затем железный каркас завода с кранами и вагонетками и на первом плане – богатырь рабочий с обнажённым торсом и вздувшимися мускулами.

Послышался гудок автомобиля. Художник нервно подбежал к окну и посмотрел на высаживающихся людей – одного в военной форме, другого в штатском – в пальто, кепке и сапогах, и взволнованно сказал:

– Они...

Через несколько минут у входной двери раздался звонок, тот продолжительный и властный звонок, с которым входят власть имущие люди.

Художник бросился открывать.

Пришедшие не стали раздеваться и прямо вошли в мастерскую. Военный был высокого роста с той спокойной неподвижностью лица, какая бывает у высокопоставленных людей, которые не чувствуют неловкости или

необходимости быть стеснительно вежливыми с хозяевами.

Штатский, более скромный и тихий человек, очевидно, выдвинутый из рабочих на высокий пост начальника искусств, часто поглядывал на военного, как бы справляясь с его впечатлением.

– Ну, покажите, покажите, – сказал военный, обращаясь к художнику, но глядя не на него, а на картину, как знатный заказчик глядит на исполненный мастеровым заказ.

– Вот, извольте посмотреть, – проговорил художник с красными от волнения щеками. Он с излишней суетливостью, которую сам видел в себе, как бы со стороны, бросился к картине завода и стал её подвигать, чтобы дать наиболее выгодное освещение.

Военный, отставив одну ногу и несколько откинув назад голову, с прищуренным глазом, молча смотрел на картину.

Штатский тоже смотрел, изредка взглядывая на военного.

– Я здесь дал всю картину выплавки чугуна, – говорил торопливо художник, как бы боясь, что высокий посетитель отойдёт от картины раньше, чем он успеет рассказать ему её смысл. – Причём, обратите внимание, все детали завода изображены совершенно точно. Я работал над ней два месяца на заводе. Даже части машин и те технически совершенно правильны. Вот, например, паровой молот... обратите внимание. Это совершенно точное воспроизведение.

А это школьная экскурсия – сближение учёбы с производством, – руководитель объясняет им процессы работы. Вот здесь с флагом – группа колхозников – шефов над заводом. Они пришли приветствовать рабочих по поводу выполнения плана. А вот это группа единоличников. Они стоят совсем в стороне.

– Как они рты-то разинули! – сказал, засмеявшись, военный.

Штатский, взглянув на военного, тоже засмеялся.

– Сразу видно, что единоличники, – сказал он, – в лаптях и в рваных полушубках...

– Я хотел показать завод не в индустриальном, а в социально-революционном его значении, – сказал художник, как ученик, которому неожиданно поставили лучший балл, и он с красными от радостного волнения щеками сам уже разъясняет свои достижения.

– А там дальше – шахта, из которой добывается руда. Её в действительности там не было, но я соединил это для большей наглядности.

Военный ещё несколько времени постоял перед картиной и, подавая художнику дружески руку, сказал:

– Поздравляю вас с блестящей победой над собой. Вот вы и перестроились и стали давать искусство, нужное эпохе.

Штатский тоже подал руку художнику, покрасневшему от похвалы.

– Как у вас со снабжением? – спросил военный.

– Плохо. Я не приписан ни к одному распределителю.

– Это мы всё устроим. Художники, идущие в ногу с эпохой, не должны нуждаться ни в чём. А это что?.. Старые грехи? – спросил военный, увидев в углу пейзаж с грозой. – Или, может быть, и теперь пишете?..

Художник испуганно оглянулся и, весь покраснев, видимо, от мысли, что его заподозрят в некрасивом поведении, уже по-другому торопливо сказал:

– Да это старые грехи... пейзаж... я даже не кончил его... бросил уже давно, потому что почувствовал его полную ненужность.

Военный, не слушая, подошёл к неоконченной картине и долго молча стоял перед ней, потом почему-то потянул в себя воздух и сказал:

– Дождём-то как пахнет!.. Долго работали над ней?

– Три года...

– Три года! – воскликнул штатский, посмотрев на военного, – за это время сколько полезных картин можно было бы написать.

– Ну, еще раз поздравляю, – сказал военный, не ответив на слова и взгляд штатского.

Достав перчатки, он хотел было идти, но от двери ещё раз оглянулся на пейзаж.

– Да, определённо пахнет дождём и дорожной пылью, – сказал он с весёлым недоумением, – а ни пыли, ни дождя нет, есть только холст и краски. Как вы достигли этого?

– Я об этом сейчас совсем не думаю и не интересуюсь, я весь сейчас в этой картине, – сказал художник, показав на картину завода. – И знаете, – с порывом приподнятой искренности сказал художник, – когда я её написал, я вдруг почувствовал, что у меня нет оторванности и замкнутости в одиночестве, что благодаря ей я нашел путь к слиянию с жизнью массы, иду с ней, дышу одним с ней воздухом.

– А, это великое дело, – сказал военный уже от двери, всё ещё продолжая смотреть с прищуренным глазом на картину грозы. – Но лучше поздно, чем никогда. Душевно рад за вас.

Он подал художнику руку и пошел. Штатский точно так же пожал руку хозяину. И они оба ушли.

Военный, садясь в автомобиль, сказал:

– Сколько я ни смотрю современных картин, просто оторопь и тоска берёт. Какие-то наглядные пособия для школы первой ступени. А ведь среди них есть первоклассные мастера. В чём тут дело?.. Иногда даже приходит в голову нелепая мысль: «Уж не смеются ли они над нами?» Не может же в самом деле талантливый человек не видеть, какую бездарь он производит! Он, видите ли, выписал самым точным образом все детали машин, на кой-то чёрта они нужны в искусстве, всё тут соединил – и колхозников, и единоличников, и экскурсии.

У нас в училище висели сытинские издания,— так точь-в-точь! И зачем мы только тратим на эти заказы такие деньги?.. Для наглядных пособий довольно бы работ учеников ремесленных школ. Бедность мысли и однообразие тем ужасающее: завод спереди, завод — сзади. Рабочий с молотом, рабочий без молота. И везде трубы, колёса, шестерни.

— Ну, как же, Иван Семёнович, у него всё-таки строительство показано. Военный замолчал, очевидно, не желая вступать в пререкания.

Художник вернулся в комнату, нервно шершавя волосы с тем взволнованным и возбуждённым видом, какой бывает у всякого художника, только что проводившего похваливших его работу гостей.

Художник, как бы проверяя какое-то высказанное посетителями впечатление, остановился перед пейзажем с грозой.

— Да, действительно, живёт! — сказал он, при этом раздув ноздри, даже потянул воздух к себе, как это делают, когда после душного летнего полдня зайдёт с юга грозовая туча, над землёй пробежит сумрак и в свежем воздухе запахнет дождём и дорожной пылью.

Он ещё некоторое время постоял перед картиной, потом, вздохнув, перевернул её лицом к стене и задвинул в самый дальний угол, чтобы предотвратить возможность попасться на глаза неожиданным посетителям.

Потом подошёл к картине завода с его красной трубой и колхозниками, постоял перед ней и вдруг, весь сморщившись и взявшись обеими руками за голову, сказал:

— Позорно!.. Омер-зи-тель-но!..

<1931>

Вариант 2

Михаил Давидович Яснов (род. 1946)

ЯЩИК СТЕКОЛЬЩИКА

Ходит по городу рыжий стекольщик. Висит у него на спине
сказочный ящик на толстом лохматом ремне.

И по утрам с незапамятных пор
небо верхом на стекольщике шумно въезжает во двор.

Ящик стекольщика – планки, дощечки, бороздки,
этот магнит, на который бегут из подъездов подростки, –
вот он стоит посредине двора, а стекольщик слоняется рядом,
шаря по окнам внимательным взглядом.

Стёкла сверкали под солнцем, – и я вспоминаю:
«Стё-ё-ёкла вставля-я-яю!..» звучало как «Со-о-олнце вставля-я-яю!..»
Стёкла давили друг друга невидимым грузом.
Стёкла, как яблоки, в стружке – с хрустальным надкусом.

Самые тонкие – стёкла оконные – с блеском;
стёкла потолще; особое место – стеклянным обрезкам;
самое толстое – с гладким и радужным краем –
мы покупаем!

Это стекло со следами сырыми
туч, отражавшихся в нём, где сверкал в исчезающем дыме
маленький, сбоку, стремительный скол,
мама купила на письменный стол.

Сколько хлопот мне стекло это в детстве доставило!
Руку сгоняло с тетради, каракули правило,
то в небеса ускользало ковром-самолётом,
то распевало весенним дождём как по нотам...

Не оттого ль, точно ящик стекольщика, полон мой письменный ящик
звоном и гулом гортанных, губных и свистящих?
Не оттого ль наяву и во сне
небо, как рыжий стекольщик, ношу на спине?

<2000>

Максимальный балл за всю работу – 80.

